DOI: 10.17117/na.2016.02.03.371

<http://ucom.ru/doc/na.2016.02.03.371.pdf>

Поступила (Received): 26.02.2016

Антонов И.В.
**Южный Урал в административно-территориальной
системе улуса Джучи**

Antonov I.V.
**Southern Urals in the administrative-territorial
system of the ulus of Juchy**

Улус Джучи был разделен между тремя сыновьями Джучи: Орду, Бату и Шибаном. Башкирия представляла собой автономный улус во главе с правителями из местной династии, которые являлись непосредственными вассалами хана Бату и его преемников. Степная часть Южного Урала вошла в состав улуса Шибана

Ключевые слова: Южный Урал, Башкирия, улус Джучи

Ulus Juchy was divided between the three sons of Juchy: Ordu, Batu and Chiban. Bashkiria was a standalone ulus headed by the rulers of the local dynasty, who were direct vassals of Batu Khan and his successors. The steppe part of the Southern Urals became part of the ulus of Chiban

Key words: Southern Urals, Bashkiria, ulus Juchy

Антонов Игорь Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра Российской академии наук
г. Уфа, ул. К. Маркса, 6

Antonov Igor Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer

Institute of ethnological studies of Ufa scientific
centre of Russian academy of sciences
Ufa, K. Marx st., 6

Вопрос о месте Южного Урала в административно-территориальной системе улуса Джучи еще не был предметом самостоятельного исследования, но, так или иначе, затрагивался во многих работах исследователей по истории и археологии региона золотоордынского периода. Как известно, Южный Урал находился на стыке трех улусов, в которых правили потомки Джучи: улуса Бату (второго сына Джучи) или Золотой Орды на западе, улуса Шибана (пятого сына Джучи) в центре и улуса Орду (первого сына Джучи) на востоке. Мы не применяем цветовые обозначения этих улусов, так как в историографии существуют разные мнения о соотношении понятий Ак-Орда и Кок-Орда, что в настоящее время переросло в терминологическую путаницу, разбор которой увел бы нас далеко в сторону. Улусы потомков Джучи, по всей видимости, не имели четких границ, по крайней мере, там, где не было крупных рек. Границы между ними могли быть связаны не только с географическими, но и с этническими маркерами. В данной статье мы попытаемся проследить, было ли связано админи-

стративно-территориальное деление Южного Урала в улусно-крыльевой системе государства Джучидов с этническим составом населения региона. Для того чтобы сделать определенные выводы, необходимо проследить развитие историографической мысли по данному вопросу.

Едва ли не первым к рассматриваемой проблеме обратился Г.Е. Грумм-Гржимайло. Он еще в 1934 г. в своей неопубликованной при жизни работе сделал вывод о том, что улус Джучи распался на три части: улус Бату – «от Карпатских гор на западе до р. Яика (Урала) на востоке», улус Шибана – «от Яика до Сыр-Дарьи», и улус Орду-Ичена – «отсюда на восток до Саян и Байкала». Исследователь попытался дать и более конкретное определение границ территории, подвластной Шибану – «от вершин Яика до низовий Сыр-Дарьи» [1, с. 103]. Очевидно, имеются в виду северные и южные пределы кочевий. Однако ввиду научно-популярного характера данной работы сделанный вывод не был подкреплен ссылками на источники.

М.Г. Сафаргалиев рассматривал вопрос о внутреннем устройстве улуса Джучи по данным письменных источников. Он впервые обратил внимание на «Письмо брата Иоганки венгра, ордена миноритов, к генералу ордена, бр. Михаилу из Чезены» (1320 г.). Автор вместе с англичанином Вильгельмом «6 лет непрерывно» прожил в Баскардии, подчиненной татарам. «Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением», – сказано в письме. Все попытки обратить их в католичество оказались безуспешными и едва не стоили миссионерам жизни [2, с. 92-93]. Таким образом, в письме Иоганки освещается ситуация 1310-х годов. Основываясь на данных этого источника, М.Г. Сафаргалиев отнес башкир к числу народов, у которых монголы сохранили представителей прежней династии [3, с. 38].

Территория улуса Шибана нашла отражение в словах Бату, адресованных своему младшему брату и переданных Абу-л-Гази (XVII в.): «юрт (область), в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена (Орду-Ичена. – И. А.): летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук*, Орь, Илек до горы Урала; а во время зимы живи в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сари-су» [6, с. 160].

Улус Шибана М.Г. Сафаргалиев поместил между восточными склонами Уральских гор и Иртышом (не упомянутым в источнике!). В то же время он отмечал, что только позднейшие предания говорят «о пребывании Шибана в Сибири, на Иртыше, где позднее его потомки образовали Сибирское ханство» [3, с. 41-42]. Марко Поло пишет о северном царе Канчи, т. е. Кончи, владельце восточной половины улуса Джучи. Он был внуком Орду-Ичена. Его царство находилось в Западной Сибири [7, с. 225-226].

Таким образом, улус Шибана был локализован М.Г. Сафаргалиевым в степном Зауралье, Башкирия в его состав не входила. Большой интерес вызывает общий вывод автора о том, что Золотая Орда «делилась на ряд полусамостоятельных улусов во главе с братьями Батыя или с представителями местных династий, оставленных в качестве вассалов Батыя» [3, с. 45]. Отсюда следует, что Башкирия представляла собой один из улусов Золотой Орды, во главе которого

стояли представители местной династии, являвшиеся вассалами непосредственно Батыя и его преемников.

В работах последующих авторов в основном повторялись очень немногочисленные и предельно лаконичные сведения письменных источников, уже знакомые читателям по монографии М.Г. Сафаргалиева, но их интерпретация менялась. Г.А. Федоров-Давыдов в монографии «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» поместил юрт Шибана «в Казахстане, между Уралом и Семиречьем» [8, с. 244]. Такое мнение соответствует буквальному смыслу источника: Шибан кочевал на восточной, т. е. левой, стороне Яика. Абу-л-Гази не уточняет, верхнее или нижнее течение реки имеется в виду. У него названы притоки Орь и Илек, впадающие в Яик в его среднем (широтном) течении, Иргиз и Тобол, берущие начало к востоку от поворота Яика на запад. Поэтому упоминание Уральских гор, по восточным и южным склонам которых протекает Яик, не может быть истолковано в том смысле, что имеется в виду только верхнее течение реки (а Сафаргалиев понял источник именно так). В источнике сказано, что Шибан должен кочевать на восточной стороне Яика, т. е. к востоку от собственного улуса Бату и далее по левому берегу реки вплоть до Уральских гор в ее верхнем течении.

К решению вопроса о локализации ордынских улусов Г.А. Федоров-Давыдов впервые попытался привлечь данные археологии. Границу между волжской и казахстанской группами погребальных памятников кочевников он проводил примерно по р. Урал. «Именно по этой этнической границе, видимо, пролегла граница между собственно улусом Бату и улусом Шибана». Отсюда следует вывод о том, что различные группы кыпчаков оказались в разных уделах. Так, восточные или казахстанские кыпчаки оказались ядром улуса Шибана [8, с. 244-245]. При этом автор признавал, что археологические памятники Казахстана пока слабо изучены, но по таким признакам, как возведение каменных насыпей, каменных сооружений над курганом и т. п., они достаточно резко отличались от памятников восточноевропейских степей [8, с. 245-246].

Некоторые уточнения и дополнения были внесены Г.А. Федоровым-Давыдовым в монографии «Общественный строй Золотой Орды». Обратив внимание на сообщение Иоганки о «башкирском государе», находящемся под властью монголов, автор поставил Башкирию в один ряд с оседло-земледельческими странами, в которых власть монголов была опосредована местными феодальными владетелями [9, с. 27]. Со ссылкой на сочинение Махмуда ибн-Вали «Бахр ал-Асрар» (XVII в.) Г.А. Федоров-Давыдов пишет, что Шибан «получил от Бату улус между Уралом и Тоболом» [9, с. 57-58, примеч. 81]. Однако граница между собственно улусом Бату и улусом Шибана теперь была проведена между Уралом и Волгой [9, с. 58].

Статья Н.Н. Мингулова характеризуется привлечением более широкого круга источников и литературы. Автор цитирует Абу-л-Гази в передаче Ш. Марджани (Шибан кочевал «вплоть до Уральских гор и реки Яик») и Демезона («на восток от Яика вплоть до Уральских гор») [5, с. 83-84]. В обоих случаях имеется в виду как верхнее, так и нижнее течение реки (в первом случае с востока на запад, во втором – с запада на восток). Н.Н. Мингулов также обратил внимание

на тот факт, что в русских летописях владения Шибана именуются «Заяицкой Ордой» [5, с. 85]. Таким образом, сведения тюркских авторов XVII в. находят подтверждение в лице современников описываемых событий – на Руси знали, что улус Шибана находился за Яиком, т. е. к востоку от реки.

Казалось бы, что в работах Г.А. Федорова-Давыдова и Н.Н. Мингулова вопрос о территории улуса Шибана рассмотрен достаточно убедительно (естественно, насколько это позволяют сведения источников), однако в дальнейшем историографическая мысль развивалась в несколько ином направлении. По мнению В.Л. Егорова, «граница между двумя крыльями золотоордынского государства проходила в районе р. Яика (Урал)» [10, с. 161]. Однако автор непосредственно не связывает составлявшие Золотую Орду владения Бату и Шибана с ее правым и левым крылом. Ссылаясь на Плано Карпини, он располагает вдоль правого и левого берегов Яика еще два улуса во главе с двумя тысячниками, кочевавшими по разным сторонам реки. Кому из царевичей подчинялись эти два даже не названных поименно тысячника, неясно, но вряд ли они были владельцами собственных улусов (всего их В.Л. Егоров насчитал двенадцать – явно не по статусу тысячников!). Улус Шибана, по его представлениям, «занимал территории современного Северного Казахстана и Западной Сибири до Иртыша и Чулыма» [10, с. 164]. На картах, приложенных к монографии, исследователь помещает улус Сарай (т. е. центральный улус) на правом берегу Яика в его нижнем течении, а улус Шибана – к востоку от верхнего течения Яика. Граница между улусами на картах не обозначена [10, карты 1-2]. По нашему мнению, В.Л. Егоров не столько решил, сколько запутал проблему. Абу-л-Гази пишет, что юрт Шибана находился между юртами Бату и Орду-Ичена. Нет никаких сведений об улусах, якобы расположенных между улусами Бату и Шибана.

Мнение В.Л. Егорова, очевидно, оказало влияние на позицию В.А. Иванова и В.А. Кригера. Ими было поставлено под сомнение предположение Г.А. Федорова-Давыдова о границе между улусами Бату и Шибана. Проведенные В.А. Ивановым и В.А. Кригером археологические исследования показали, что курганы с земляными насыпями «на всей территории от Волги до предгорий Южного Урала представляют собой единый типологический, а следовательно, и этнокультурный массив». В таком случае территорию улуса Шибана «придется искать где-то в районах распространения курганов восточной группы Южного Урала» (курганы с каменными конструкциями. – И.А.) [11, с. 72]. В то же время авторы, наряду с констатацией общности погребального обряда независимо от внешних признаков курганов, указывают на частичную территориальную «чрезполосицу» (нахождение курганов с камнями в насыпи в равнинной, т. е. западной, части региона, а земляных курганов глубоко в предгорьях) и отмечают наличие «заведомо синкретичных памятников, т. е. органично сочетающих признаки обрядов двух рассматриваемых групп». Эти факты, безусловно, свидетельствуют о генетическом и этнокультурном родстве носителей выделенных В.А. Ивановым и В.А. Кригером локально-типологических групп курганов Южного Урала. Курганы восточной группы определены в следующих границах: «на севере – район современного Челябинска (Федоровское погребение), верховья Урала и Сакмары (Ишкулово II, Юлдыбаево); на западе – район истоков Самары

(Рычковка I и III Октябрьский) и район слияния Илека и Хобды (Тамар-Уткуль, Мертвецовский, Лиман); на юге – верхнее течение р. Эмбы (Родники I, Новая База I, II)» [11, с. 49-50]. Это, по логике авторов, и есть границы улуса Шибана, которые на западе до нижнего течения Урала не доходят.

Очень скоро стало ясно, что предложенное первоначально деление на западную и восточную группу курганов Южного Приуралья оказалось «излишне условным и абстрактным, поскольку провести четкую границу между указанными территориальными группами практически невозможно. В ряде случаев курганы с чисто земляной насыпью (признак западной группы) и с насыпью, сооруженной с применением камня (признак восточной группы), расположены вперемежку, а кроме того, как показывают полевые исследования В.А. Могильникова и С.Г. Боталова на территории Актюбинской, Кустанайской и Тургайской областей Казахстана, восточные пределы ареалы каменных курганов уходят далеко на восток от Мугоджар и южных отрогов Уральского хребта» [12, с. 155].

В.В. Трепавлов проводит западную границу улуса Шибана по верховьям Яика [13, с. 140, карта]. Иное мнение отстаивают Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова. Они полагают, что Шибану принадлежали «земли к востоку от р. Яик вплоть до песков Каракумов» [14, с. 251]. При этом не сказано, что имеется в виду только верхнее течение р. Яик. Башкиры, находясь в составе Золотой Орды, подчинялись ордынскому хану, но фактически на правах вассалов от его имени страной управляли башкирские бии, обладавшие наследственной властью [14, с. 254-255]. Авторы также акцентируют внимание на заметных различиях в культуре башкир и золотоордынского населения степной зоны Южного Урала (кыпчаки) [14, с. 257-266].

В коллективном труде по истории Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. (автор соответствующего параграфа – В.А. Иванов) нашло отражение мнение о том, что Шибан получил во владение «степи от Южного Урала (на западе. – И.А.) до р. Тобол (на востоке. – И.А.), от р. Яик (на севере. – И.А.) до Сары-Су (на юге. – И.А.)». Таким образом, «западные и центральные районы Башкирии вошли в улус дома Батыя, а степи юго-восточной (зауральской) Башкирии стали достоянием Шайбанидов» [15, с. 122]. Автор «Анонима Искендера», написанного в начале XV в., отнес область Башгирд к правому крылу улуса Джучи, где правили потомки (точнее, преемники) Тохты, который, как известно, унаследовал трон Батыя [16, с. 127].

Археологи Г.Н. Гарустович, А.И. Ракушин и А.Ф. Яминов полагают, что «восточная граница распространения земляных курганов в Приуралье и являлась восточной границей Улуса Бату, которая проходила, в принципе, по бассейну р. Урал» [17, с. 278]. По поводу сказанного следует заметить, что, во-первых, по мнению цитируемых авторов, эта граница проходила все-таки не по р. Урал, в чем есть принципиальная разница. Во-вторых, так и осталось неясным, где проходила восточная граница улуса Бату, ведь, как уже отмечалось, земляные и каменные курганы в Приуралье расположены вперемежку, поэтому четкой границы между ними не было. В такой ситуации археологи вряд ли смогут убедить

тельно ответить на вопрос, где же проходила граница между улусами Бату и Шибана: по восточным пределам распространения земляных курганов или по западным пределам распространения каменных курганов?

По мнению В.А. Иванова и А.Ф. Яминова, отсутствие «этнических вливаний» в XIII-XIV вв., а также сохранение монголами правящей верхушки «позволяет говорить об определенной автономности башкирского населения в составе Золотой Орды» [18, с. 43]. Р.Ю. Почекаев, основываясь на сообщении Иоганки, приходит к выводу о том, что у башкир «оставались свои правители, лишь подчинявшиеся ордынским государям, а не назначавшиеся из числа монголов» [19, с. 103]. Таким образом, Башкирия являлась самостоятельным улусом, который условно можно отнести к правому крылу улуса Джучи (улус Бату или Золотая Орда).

Нами был сделан вывод о том, что рубеж, разделяющий массивы земляных и каменных курганов на Южном Урале не сдерживал продвижение носителей традиции сооружения каменных курганов дальше на запад, а носителей традиции сооружения земляных курганов дальше на восток. Так, погребения с северной ориентировкой человека, являющейся признаком монгольской обрядности, под земляными курганами встречаются не реже, чем под каменными. В то же время под каменными курганами встречаются погребения человека с западной ориентировкой в сопровождении костей коня, которые в домонгольское время были распространены только к западу от Волги. Сооружение надмогильных конструкций из камня нами рассматривалось в качестве не этнического, а локального признака [20, с. 47-49]. Поэтому мы согласились с исследователями, считающими, что граница между владениями Бату и Шибана проходила по р. Урал [20, с. 177-178].

Точно также эта граница проведена в новом издании монографии Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой [21, с. 344]. Башкортостан отнесен к числу автономных территорий в составе Золотой Орды [21, с. 356]. Ю.В. Селезнев на карте административно-территориального деления Золотой Орды в XIII-XIV вв. помещает улус Башкорт между верхним течением Яика и нижним течением Белой. Отдельный улус он помещает в междуречье Яика и Эмбы без указания, чей это был улус. Улус Шибана на карте показан к востоку от Эмбы и Ори и к северу от Аральского моря и нижней Сырдарьи [22, с. 12, карта 1]. Такой вариант противоречит сведениям письменных источников, помещающим улус Шибана не за Эмбой, а за Яиком. Не согласуется он и с данными археологии, если иметь в виду ареал каменных курганов.

В кандидатской диссертации челябинского археолога В.П. Костюкова «Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе Улуса Шибана)», опубликованной после смерти автора в виде монографии, констатируется отсутствие жесткой грани между каменными и земляными курганами степной зоны Южного Урала и прилегающих областей Казахстана, что ставит под сомнение правомерность их выделения в качестве двух самостоятельных локально-типологических групп [23, с. 45]. Автор выражает несогласие с мнением В.Л. Егорова о том, что тысячники, кочевавшие по разным сторонам р. Урал, являлись владельцами улусов. Плано Карпини не называет крупных вельмож тысячниками, а его сведения, «используемые для объяснения

административной структуры Золотой Орды, все же требуют некоторой критики». Поэтому западную границу улуса Шибана, по мнению В.П. Костюкова, «маркировала, по всей видимости, все-таки р. Урал». В этой связи он обращает внимание на сложившуюся в историографии традицию «отождествления владений дома Шибана с Заяицкой Ордой русских летописей» [23, с. 97].

Очевидно, р. Урал маркировала не только западную, но и северную границу улуса Шибана. И.И. Буляков так решает проблему: «Башкирские земли по правому берегу Яика не вошли в зону основных кочевий монгольских удельных владетелей и составили отдельный улус, где башкирское общество обладало широкой автономией с сохранением его внутреннего самоуправления» [24, с. 67]. С таким тезисом невозможно не согласиться, ибо для отнесения приуральской части Башкирии к улусу Шибана нет никаких оснований. Собственно говоря, Башкирию к улусу Шибана никто и не относит, если не считать «Большой советской энциклопедии»**. В источниках при описании владений Шибана не упоминаются ни правые притоки р. Яик, ни какие-либо другие реки, текущие севернее или западнее Яика.

А.Г. Бахтин к числу народов, которыми монголы непосредственно не управляли, относит русских, алан, грузин, черкесов, мордву-мокшу, башкир и марийцев, у которых остались свои племенные «вожди» – князья. «Марийские вожди стали мелкими вассалами ордынских ханов» [27, с. 133-134]. Однако в Башкирии монголы имели дело не с мелкими племенными вождями. Нами высказано предположение о том, что башкирский «государь», с которым встречался Иоганка, являлся одним из потомков Муйтэна. Муйтэн был предводителем усергенского племени, территория которого располагалась по Яику и Сакмарю, но на переговорах с Бату-ханом он выступал как представитель и других башкирских племен [28, с. 88-119].

Г.Н. Гарустович, пытаясь осмыслить сведения башкирских шежере, пишет: «Мы знаем о том, что усерганы жили на реках Салмыш, Урал и Сакмара, но Муйтэн получил в свою юрисдикцию неизмеримо большую территорию – в бассейне р. Белой (т. е. чуть ли не все Башкирское Предуралье) и в лесостепном Зауралье (верховья Яика, реки Тобол, Ишим и Иртыш). Следовательно, он был признан монголами верховным бием башкир. Насколько реальной была власть Муйтэна, ответить пока сложно. Однако в источниках имеются данные о том, что ему подчинялись племена бурзян, тамьян и часть кыпсаков, «которых Муйтэн подчинил себе». Видимо, в других областях (скажем, у юрматынцев) его владельческие права были сугубо номинальными» [29, с. 197]. Согласно Р.Г. Кузееву, племена усерган, бурзян, тамьян и другие представляют собой древнебашкирский пласт в этногенезе башкир. Древнебашкирский этнос явился ядром современного башкирского этноса, вокруг него консолидировались племена иного происхождения. Таким было, например, племя юрматы, отнесенное Р.Г. Кузеевым к булгаро-мадьярскому компоненту [30]. Происхождение этого компонента связывается с носителями чияликской культуры Камско-Бельско-Икского междуречья XII-XIV вв., этническая принадлежность которых, по мнению большинства исследователей, была угорской. Чияликская культура вплоть до

конца XIV в. сохраняла типологическую однородность памятников, не претерпела никаких изменений и занимаемая ею территория [31, с. 41-46]. Поэтому в XIII в. племя юрматы еще не вошло в состав башкир. Следовательно, не входило оно и в конфедерацию башкирских племен, возглавляемую Муйтэн-бием.

В целом судить о границах территории, подвластной верховному бию башкир, достаточно трудно. Вряд ли его власть простиралась на восток до Ишима, а тем более до Иртыша. Установлено, что «Тобол был тем рубежом, за восточный предел которого башкиры, как правило, не переходили» [32, с. 173]. Но если уральские башкиры оказались в составе улуса Шибана, то и власть Муйтэн-бия, скорее всего, ограничивалась верховьями Яика. На весь бассейн Белой она тоже не распространялась, так как северо-западная часть Башкирского Предуралья была занята племенами чияликской культуры. В.А. Иванов, отмечая, что шежере как исторический источник требует очень осторожного подхода, тоже не склонен абсолютизировать утверждение о получении Муйтэн-бием права на владение фактически всей территорией Башкирии. Положение башкирских племен автор сравнивает с судьбой русских княжеств. Таким образом, на Руси и в Башкирии монголы установили единую систему управления: «главный правитель, утвержденный и поддерживаемый монгольскими ханами, и подвластные ему удельные князья/бии» [33, с. 144-145]. Аналогичное мнение высказано Б.А. Азнабаевым: «На Южном Урале, как и на Руси, власть монголов осуществлялась не напрямую, а опосредованно – через местную знать». В то же время Б.А. Азнабаев, исходя из равноправного положения всех глав башкирских родов, подчиненных только правителю из династии Чингизидов, указывает «на формирование у башкир особой политики, которая не являясь государством, внешне представляла собой союз разрозненных автономных общин. Несмотря на слабую централизацию, эта политика не только позволяла консолидировать этнос для противостояния внешним угрозам, но вырабатывать единые нормы воинского этикета (практической морали, воплощенной в нравах, суждениях, оценках и стиле жизни. – И.А.)» [34, с. 190-191].

Более дискуссионной в историографии оказалась проблема определения границ улуса Шибана. Можно считать установленным, что на севере владения Шибана простирались до верховьев Яика и Уральских гор, а на юге – до Аральского моря и Сырдарьи. Восточная граница кочевий Шибана на севере доходила до Тобола (во всяком случае – до Ишима), на юге – до Казахского мелкосопочника (за реками Чу и Сарысу). Что касается западной границы, то здесь, несмотря на отдельные нюансы, имеют место две точки зрения на проблему. Одна группа исследователей, к которой можно отнести Г.Е. Грумм-Гржимайло, Г.А. Федорова-Давыдова, Н.Н. Мингулова, Н.А. Мажитова и А.Н. Султанову, В.П. Костюкова, проводит границу между улусами Бату и Шибана по нижнему течению р. Яик. Эта точка зрения убедительно подтверждена сведениями письменных источников. К другой группе исследователей можно отнести историков М.Г. Сафаргалиева, В.Л. Егорова, В.В. Трепавлова, Ю.В. Селезнева, археологов В.А. Иванова и В.А. Кригера, Г.Н. Гарустовича, А.И. Ракушина и А.Ф. Яминова. Историки, произвольно интерпретируя сведения письменных источников, признают, что граница улуса Шибана проходила по Яику, но только в верхнем течении реки. На

самом деле там проходила граница не с центральным, а с автономным башкирским улусом. Археологи связывают территорию улуса Шибана с ареалом каменных курганов. Можно согласиться с мнением о том, что именно каменные курганы определяли этнокультурное своеобразие улуса Шибана. Это мнение впервые было высказано Г.А. Федоровым-Давыдовым, который оказался прав в том отношении, что каменные курганы западнее р. Урал не встречаются. Однако земляные курганы, как показали дальнейшие исследования, встречаются и к востоку от р. Урал. Там ареалы земляных и каменных курганов частично совпадали***. Поэтому граница между улусами Бату и Шибана не была в строгом смысле слова границей между восточноевропейскими половцами и казахстанскими кыпчаками, особенно если иметь в виду процессы этнического взаимодействия и смешения в улусе Джучи. Нельзя считать, что на территории улуса Шибана находились только каменные курганы.

Говоря о месте Южного Урала в улусно-крыльевой системе Золотой Орды, можно сделать вывод о том, что административно-территориальное деление региона соответствовало этнокультурной обстановке на южной и северной стороне Яика, отделявшего Башкирию от Дешт-и Кыпчака. В приуральской части Башкирии был образован автономный улус во главе с местными правителями, а степная часть Южного Урала вошла в состав улуса Шибана. Однако границы этих улусов не могли абсолютно точно совпадать с этническими границами. Зауральские башкиры оказались в составе улуса Шибана. В то же время различные племена (кыпчак, катый, табын и др.), кочевавшие во владениях Шибана, активно переселялись на территорию Башкирии, где они составили один из наиболее поздних компонентов башкирского этноса (кыпчакская миграция по Р.Г. Кузееву).

*Ю.А. Зуев предлагает читать: Иргиз, Савук (Ишим) [4, с. 77]. Однако в отрывке «Родословной тюрок» из издания Демезона, приведенном Н.Н. Мингуловым, перечень рек несколько иной: «Шайбан кочевал летом на обширном пространстве между предгорьями Урала и реками Тобол, Яик, Илек, Иргиз, а зимой в бассейне Аральского моря, по рекам Чуй-су, Сары-су и в низовьях Сырдарьи» [5, с. 83]. Тобол к Иргизу гораздо ближе, чем Ишим, и даже мог восприниматься как естественное продолжение Иргиза.

**Как ни удивительно, во втором издании «Большой советской энциклопедии» было сказано: «Башкирия вошла в удел брата Батыя Шейбана» [25, с. 343]. Эта ошибка не была исправлена и в третьем издании [26, с. 60].

***В этом легко убедиться, взглянув на наиболее полную карту археологических памятников, составленную В.П. Костюковым. Каменные курганы концентрируются преимущественно в верхнем течении р. Урал, земляные – в среднем течении, но между ними, особенно в бассейне р. Илек, находится обширный район каменно-земляных курганов. Несмотря на то, что в целом представление о земляных и каменных курганах как о западной и восточной группах памятников Южного Урала сохраняется, восточные пределы не только каменных, но и земляных курганов доходят до Ишима [23, с. 184-185, карта 1].

Список используемых источников:

1. Грумм-Гржимайло Г.Е. Джучиды. Золотая орда // Арабески истории. Кн. I. Русский взгляд. М.: ДИ-ДИК, 1994. С. 100-146.
2. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л.: АН СССР, 1940. Т. III. С. 71-112.
3. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 276 с.
4. Зуев Ю.А. Историческая протекция казахских генеалогических преданий (К вопросу о сущности и пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: Наука, 1981. С. 63-78.
5. Мингулов Н.Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: Наука, 1981. С. 79-95.
6. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Казань, 1906. 336 с.
7. Книга Марко Поло. М.: Государственное издательство географической литературы, 1955. 376 с.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 275 с.
9. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 180 с.
10. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.: Наука, 1985. 248 с.
11. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.: Наука, 1988. 96 с.
12. Иванов В.А., Яминов А.Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном При-уралье (сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 154-161.
13. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М.: Наука, 1993. 168 с.
14. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Китап, 1994. 360 с.
15. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа: Китап, 1996. 520 с.
16. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л.: АН СССР, 1941. Т. II. 308 с.
17. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.
18. Иванов В.А., Яминов А.Ф. История Золотой Орды. Стерлитамак: СГПИ, 1999. 112 с.
19. Почекаев Р.Ю. Батый: хан, который не был ханом. М.; СПб.: Евразия, 2006. 350 с.
20. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа: Информреклама, 2006. 238 с.
21. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2009. 496 с.
22. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 232 с.
23. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII-XIV вв. Казань: Фэн, 2010. 200 с.
24. Буляков И.И. Золотоордынские государственные традиции в управлении башкирским краем во второй половине XVI – первой трети XVIII в. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 180 с.
25. Башкирская автономная советская социалистическая республика // Большая советская энциклопедия. М.: Большая советская энциклопедия, 1950. Т. 4. С. 336-359.
26. Башкирская автономная советская социалистическая республика // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 3. С. 59-66.
27. Бахтин А.Г. Марийский край в XIII-XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2012. 660 с.
28. Антонов И.В. Средневековые башкиры. Уфа: Китап, 2013. 192 с.
29. Гарустович Г.Н. Исторические нюансы в изучении башкирских шежере // Ахнаф Харисов и актуальные проблемы башкирской филологии (к 100-летию со дня рождения). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 195-197.
30. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
31. Антонов И.В. Раиль Гумерович Кузеев об угорском компоненте в этногенезе башкир // Эт-нос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2009. С. 41-46.

32. Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1962. Т. I. С. 171-267.
33. Иванов В.А. Обстоятельства вхождения башкир в состав Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 2. С. 139-146.
34. Азнабаев Б.А. О воинском этосе башкир XVII-XVIII вв. // Урал-Алтай: через века в будущее. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 187-191.

© 2016, Антонов И.В.

Южный Урал в административно-территориальной системе улуса Джучи

© 2016, Antonov I.V.

Southern Urals in the administrative-territorial system of the ulus of Juchy